

Глава 1

АМАНДА ДЭВИС

Я УБИЛА ЧЕЛОВЕКА.

Эти сюрреалистичные слова проникают в мое сознание, отзываясь дрожью во всем теле, высасывая из меня силы. Широко раскрыв глаза, я смотрю на тело, неподвижной грудой лежащее у подножия лестницы. Тревожно дыша, цепляюсь за разрозненные мысли о невозможности происходящего. Когда до меня начинает доходить реальность, я тихо ахаю, прикрывая рот, чтобы подавить рыдание.

Это не может быть правдой. Он не может быть мертв.

Но то, что я вижу, говорит об обратном. Это становится очевидно по тому, как его шея неестественно изогнута. По тошнотворному хрусту ломающихся костей, раздавшемуся, когда он скатился по крутой лестнице и приземлился на деревянный пол. По медленно сочащейся из раны на голове крови. По луже, поблескивающей бордовым в желтоватом свете торшера у двери.

Шум снаружи пугает меня — кто-то идет. Когда шаги приближаются, я застываю на верхней пло-

щадке лестницы, вцепившись в перила так, что костяшки пальцев белеют. Вскоре в темной раме окна гостинной появляется слабо освещенный профиль. Женщина проходит мимо, не поворачивая головы, не пытаясь заглянуть внутрь.

Я выдыхаю.

Я понимаю, что кто-то мог видеть произошедшее. Случайный прохожий. Сосед. Кто угодно.

Набираю в легкие побольше воздуха, пытаюсь успокоить расшатанные нервы. Все еще держась за перила, чтобы не упасть, я спускаюсь по лестнице, стараясь не поскользнуться. Будто его падение может каким-то образом повториться и решить мою судьбу, уложив мое тело рядом в мстительной симметрии. Приближаясь, задерживаю дыхание, бессмысленно надеясь, что он все еще жив, и одновременно страшась этого. Когда я снова делаю вдох, металлический запах проникает в мои ноздри, наполняя меня ужасом.

Я бросаюсь к окну и опускаю жалюзи, затем выглядываю наружу, слегка раздвинув ламели. Улица пугающе пустынна и тиха. Но это сейчас.

Присев на корточки, я нащупываю пульс застывшими пальцами. Прикосновение к его коже обжигает меня, у меня покалывает затылок, точно он может вырваться из объятий смерти и схватить меня за дрожащее запястье.

Пульса нет.

Воротник его рубашки для гольфа пропитан кровью, от него слабо пахнет лосьоном после бритья, хотя на лице заметна двухдневная щетина. Череп проломлен — должно быть, он ударился о край

ступеньки, — вмятина отчетливо просматривается сквозь коротко подстриженные волосы, несмотря на кровотокающую рваную рану. Я неохотно провожу пальцами по его шее и морщусь, обнаружив выступающий позвонок — признак перелома шейного отдела, который привел к смертельной травме спинного мозга.

Он умер в тот самый момент, когда приземлился на пол.

Я более чем компетентна, чтобы прийти к такому выводу. Но это не меняет того, что я чувствую. Неуверенность в себе. Страх. Не меняет того, что меня всю трясет. Мое сердце бешено колотится, а грудь сжимается, стены комнаты будто сдвигаются ближе и вот-вот выдавят из меня жизнь.

Звук приближающейся машины заставляет меня броситься к окну. Она не сбавляет скорость, пока не доезжает до угла и не поворачивает, окрашивая темноту маленькой пригородной улочки в ярко-красный тон задних фар.

Поворачиваюсь на каблуках и смотрю на тело, не зная, что предпринять.

Его глаза все еще открыты, расширенные зрачки словно гипнотизируют меня. Кровь стынет в жилах. Я присаживаюсь на корточки и быстро прикрываю ему веки, едва касаясь их кончиками дрожащих пальцев, стремясь быть как можно дальше от тела. Затем быстро встаю и отступаю назад, не в силах отвести от него глаз. Какая-то часть меня все еще ожидает, что он встанет, схватит меня, прижмет к стене, а потом его руки вцепятся мне

в горло и будут сжимать, пока мой мир не погрузится во тьму. Как сейчас — его.

Но он не двигается. Он мертв.

Я убила его.

Чудовищность поступка давит мне на сердце. Как я могла позволить такому случиться?

Кажется, у меня не было выбора, но все же правда в том, что он был и я сделала неправильный. И это произошло не несколько мгновений назад, когда я столкнула его с лестницы.

Нет.

Это случилось раньше. Гораздо раньше.

И теперь мне приходится иметь дело с последствиями того, что я натворила.

Моя первая мысль — сбежать, увеличить, насколько это возможно, расстояние между мной и телом, лежащим на залитом кровью полу. Но от этого никуда не деться. Не сейчас, не без какого-либо плана.

Пятясь назад, я натыкаюсь каблуком на нижнюю ступеньку лестницы и чуть не падаю. Позволяю себе соскользнуть вниз и осесть. Чтобы немного передохнуть, упираюсь локтями в трясущиеся колени и закрываю лицо руками, прячась от мрачного зрелища.

Знаю, что за мной придут, но, возможно, смогу отсрочить этот момент на несколько дней. Цепляясь за этот проблеск надежды, мой разум начинает работать. Я устало поднимаю голову и осматриваюсь в поисках чего-нибудь, что могло бы помочь мне выиграть немного времени. Вариантов не так уж много.

В одном я уверена: необходимо избавиться от тела.

Мне нужна помощь.

Он массивный, ростом не менее шести футов трех дюймов¹, хорошо сложен и весит около двухсот сорока фунтов². Это то, что мне в нем нравилось... сила, ловкость, выносливость и очевидная уверенность в себе. Однако я и близко не такая высокая, и во мне самое большее сто сорок фунтов³, и это в дни, когда я в плохой форме. Я тянусь к его ноге, чтобы оценить свои силы, но останавливаюсь, так и не коснувшись лодыжки. Бессмысленно даже пытаться. На работе требуется шесть человек, чтобы переложить пациента его комплекции с носилок на кровать.

Я достаю телефон и включаю его. Надкусанное яблоко высвечивается белым на черном экране, затем исчезает, освобождая место для фотографии моего сына. Снимок сделан прошлым летом на пирсе Санта-Моники — Тристану только что исполнилось девять. У меня наворачиваются слезы, когда я вижу нежность в его пронзительных голубых глазах.

Что, если я потеряю его? Что, если меня посадят, и я никогда больше его не увижу?

Мысль об этом невыносима. Пустая, жгучая боль возникает у меня в груди, поглощая все. Нет...

¹ Примерно 192 сантиметра (1 дюйм — 2,54 сантиметра, 1 фут — 30,48 сантиметра). (*прим. редактора*).

² 109 килограмм.

³ 63 килограмма.

Я не могу потерять сына. Я этого не допущу. Чего бы это ни стоило.

Я отгоняю мрачные мысли и глубоко дышу, набирая пароль на телефоне. Лицо Тристана исчезает с экрана.

Все будет хорошо. Но слова, которые я себе говорю, не вселяют в меня уверенности.

Когда экран заполняется приложениями, я понимаю, что есть только один человек, к которому можно обратиться за необходимой мне помощью. Человек, которому я предпочла бы никогда больше не звонить и которого не хотела бы видеть. Мои пальцы дрожат, когда я набираю имя в списке контактов.

Я колеблюсь, еще раз осматриваю лежащее тело, отчаянно гадая, есть ли иной выход.

Его нет.

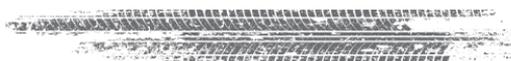
Я готовлюсь к вопросам, безжалостным и холодным, пронзающим, словно выстрелы, которые вот-вот посыпятся на меня.

Затем звоню, осознавая, что, как только расскажу о случившемся, пути назад не будет. Моя жизнь станет зависеть от кого-то другого. От человека, которому я не могу доверять.

Пока в трубке звучат гудки, с горечью прокручиваю в голове события последних недель.

Ничего этого я не хотела.

Все, что мне было нужно, — получить чертов развод.

Глава 2

ПОЛ ДЭВИС

ДВЕ НЕДЕЛИ НАЗАД

Черт возьми. Такие сиськи должны быть запрещены законом.

Я быстро касаюсь узла галстука, сожалея, что не могу его немного ослабить. Вместо этого рефлекторно поправляю его, как делаю всегда, находясь прямо в поле зрения камеры. Только на меня не направлена камера. Пока нет.

Все они установлены за пределами бального зала, куда продолжают входить гости, прибывшие на своих шикарных автомобилях и взятых напрокат лимузинах. Все они горят желанием принять участие в ежегодной благотворительной акции «Граждане за трезвое вождение», которая проходит под моим председательством. В любом случае я должен перевести фокус на сидящих со мной за столом людей, на мою жену, Аманду. Но нет... сосредоточиться на них не получается.

Выходит только на ней — незнакомке, которая захватила мое внимание, как только мы прибыли на место. Покачивая бедрами, она идет по атриуму так ритмично и плавно, будто танцует под легкую

музыку, звучащую фоном. Атласное платье облегает ее идеальную фигуру, подчеркивая маленькие упругие груди. Высокий разрез открывает ноги, позволяя мне любоваться ее обнаженной кожей, что вряд ли понравилось бы моей жене. Хорошо, что Аманда сейчас на меня не смотрит. Она болтает с пожилой соседкой, в то время как я наслаждаюсь ничем не подозревающей незнакомкой.

Женщина не обращает на меня внимания, а я не привык, чтобы меня игнорировали. Я чувствую себя невидимкой. Ненавижу это чувство. Мне почти хочется крикнуть: «Эй, я здесь», — но в этом нет смысла — только выставлю себя полным идиотом. Она поворачивается, направляясь к открытому бару, и я вижу, что ее прекрасное платье держится на плечах одним только чудом... я бы легко мог заставить его упасть на пол легким движением пальца. Эта мысль выбивает меня из колеи. Я ерзаю на стуле и продолжаю наблюдать.

Ее спину — такую же идеальную, как и вся выставленная напоказ фигура, — обнажает дерзкий вырез ниже поясницы. Платье глубокого красного цвета переливается в приглушенном свете, плотно обтягивая ее попку. Я не могу оторвать от женщины глаз.

Готов поспорить, что под нарядом на ней ничего нет. На мгновение я представляю, каково было бы прикоснуться к ее гладкой, сияющей коже. Как выгнулась бы ее идеальная спина, когда я взял бы ее сзади. Как она смотрела бы на меня после этого, когда я лежал бы обессиленный на смятых просты-

нях, а ее волнистые каштановые волосы разметались по моей подушке.

Она исчезает из виду — двое мужчин идут за ней по пятам, загораживая мне обзор. Завороженные, с пустыми стаканами в руках, они спешат за ней, как запыхавшиеся собаки на охоте. Я уже собираюсь залпом опрокинуть напиток и предоставить себе повод нанести визит в открытый бар, но мой бокал застывает в воздухе, когда я замечаю, как Аманда сверлит меня взглядом, едва сдерживая ярость.

Она наклоняется ко мне, ее дыхание касается моей кожи.

— Серьезно, Пол?! — шипит она мне на ухо, изображая улыбку для тех, кто, возможно, сейчас смотрит на нас. — При мне? На глазах у всех этих людей?

Я стискиваю зубы и опускаю стакан на стол. Ненавижу, когда меня отчитывают, словно четырёхлетку.

— Я ничего не сделал, — тихо рычу в ответ, ненавидя себя за то, что говорю это, за то, что оправдываюсь.

Она не отвечает. Просто сидит и улыбается, делая вид, что все в порядке, но ее грудь тяжело вздымается, а нижняя губа слегка дрожит.

Но я все равно злюсь.

Признаюсь, меня легко вывести из себя.

Я делаю глоток бурбона, чтобы скрыть эмоции, и притворяюсь, что заинтересован разговором с увешанной драгоценностями женщиной средних лет — она сидит напротив за нашим столом на де-

сять персон. Но безуспешно; я слишком раздосадован, чтобы сосредоточиться на ней. Однако она все говорит и говорит о своем племяннике, который умер, а я вынужден сидеть, кивать и терпеть. Она строит мне глазки, и я боюсь, что меня скоро стошнит. Я смываю неприятный привкус еще одной порцией алкоголя, продолжаю улыбаться и время от времени кивать, пока она рассказывает свою бесконечную историю. Довольно скоро она выпишет мне чек.

Именно для этого я здесь, на ежегодном благотворительном вечере «Граждане за трезвое вождение», который проходит в университетском атриуме. Просторный зал богато украшен пышными букетами белых цветов, расставленными на застеленных тонкой светлой скатертью столах. Мы сидим на нарядных стульях, перевязанных атласными лентами. Над нами сияют мириады огней, исходящих от современных светодиодных светильников, похожих на люстры, с замысловатым наслоением кристально чистых призм, которые переливаются всеми цветами радуги. Это не те тусклые флуоресцентные лампы в университетском атриуме, которые я помню по предыдущим мероприятиям. Должно быть, их заменили для сегодняшнего вечера. Я впечатлен — на этот раз они действительно превзошли все ожидания.

Раздается смех супруги. Сегодня вечером она выглядит великолепно, длинные светлые волосы уложены в идеальную прическу. Она уже безраздельно завладела вниманием, по крайней мере, двух мужчин. Ожидается, что возражать я не буду.

Словно прочитав мои мысли, она кладет руку мне на предплечье. Я инстинктивно отстраняюсь — мысль о том, что меня могут воспринимать как довесок к жене, слишком беспокоит.

Воздух наполнен негромкой болтовней и редкими взрывами пьяного смеха. Конечно, что лучше подходит для мероприятия ратующей за трезвость организации, чем открытый бар?

Вечер щедро спонсируется и бесплатно рекламируется телеканалом *Golden State Broadcasting*, на котором я работаю. Они позаботились о том, чтобы все посетители (только приглашенные) могли позволить себе выложить как минимум пару тысяч за изысканный ужин из четырех блюд и упомянутый бар. А также за возможность пообщаться с телевизионщиками и несколькими голливудскими звездами и, кто знает, сделать селфи с какой-нибудь знаменитостью.

Я занимаю пост председателя вот уже несколько лет. Кручусь в самом центре всего этого и скоро, как только гости покончат со своими десертами, выйду на сцену, чтобы произнести заключительную речь.

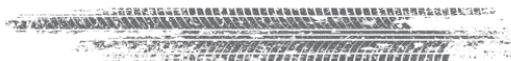
И все же я чертовски раздражен.

Мой босс, Рэймонд Кук, президент и исполнительный директор *Golden State Broadcasting*, — лысеющий сгусток самомнения. В этом году, четвертом по счету в истории его любимого мероприятия, он решил усадить самых известных людей с телевидения рядом со случайными жертвователями. Они должны были занять обывателей разговорами, обаять их так, чтобы к моменту, когда будут

подписывать чеки, они были готовы на все. Как бы то ни было, он оказался последователен — тоже сидит рядом с благотворителями. Но за столом Рэймонда нет женщин, которые, глядя на него, пускали бы слюни, наплевав на присутствие супруги. И это не потому, что он не женат. Это потому, что никто на самом деле не знает, кто такой Рэймонд Кук. И никому нет до него дела.

Но Пол Дэвис? Это совсем другая история.

Глава 3

ПОЛ ДЭВИС

Я — одновременно лицо и мозг вечерних новостей. Я — главный ведущий, и на то есть причина. Когда я в эфире, рейтинги *Nielsen* растут, доходы от рекламы увеличиваются как минимум на десять процентов, а количество зрителей и вовлеченность резко возрастают. Да, признаю, что всплеск в основном обеспечивает женская аудитория, и втайне я доволен этим.

Благодаря таким рейтингам два года назад у меня появилось собственное шоу — пятнадцатиминутное интервью в конце новостной программы, называемое «Последний вопрос». В нем нет второго ведущего; только я и тщательно отобранные мной гости. «Прожарить» их или похвалить — мне решать. Шоу стало довольно успешным, что еще больше повысило рейтинги телеканала. Вот почему Рэймонд Кук решил, что я должен отчитываться непосредственно перед ним. Это настоящее повышение по службе, которое принесло много денег — очень много. К сожалению, оно также привело к более тесным рабочим отношениям между мной и Рэймондом.

Я от этого не в восторге.

Терпеть его не могу. Уверен, он завидует моей популярности, хотя она и приносит ему прибыль. Впрочем, какая разница, что я думаю: босс все равно он. Он главный. Всегда главный. И он никогда не дает мне об этом забыть.

Но есть еще один нюанс.

Справа от меня сидит моя бывшая соведущая, Карли Краун. Она одета в изысканное сапфирово-синее платье с глубоким вырезом, которое сразу привлекает внимание всех мужчин в зале. И некоторых женщин. Ее прическа — ниспадающие светлые локоны — неприятно напоминает прическу жены. Возможно, это простая случайность, но я бы не стал ее недооценивать. Время от времени ее колена трется о мое бедро.

Обычно мне нравится кажущееся непринужденным взаимодействие, не такие уж случайные прикосновения, недосказанность в наших разговорах на работе. Но не сегодня. Только не с разъяренной Амандой по левую сторону. Не хотелось бы «неприятностей в раю».

Отстраняясь, я бросаю на женщину предупреждающий взгляд. Она отворачивается в сторону пустой сцены, но по напряженным губам я понимаю, что очень скоро получу за свою холодность, и выговор мне не понравится. Карли — ядовитая змея в коже от Пьера Кардена.

Женщина, сидящая напротив, замолкает на полуслове, когда свет в атриуме становится ярче. Рэймонд поднимается на сцену и хватает микрофон. Легкая фоновая музыка стихает. Он прочи-

щает горло и кашляет в кулак — к счастью, до того, как включается аппаратура.

— Спасибо всем, что присоединились к нам в прекрасном Малибу. Какая фантастическая обстановка для такого благородного дела! Надеюсь, вам понравился ужин так же, как и мне. Хотя, должен признать, десерт, возможно, был чересчур вкусным. Если завтра не влезу в смокинг, буду знать, кого винить!

Зал отвечает ему взрывом смеха — открытый бар определенно пошел мероприятию на пользу.

— Вечер подходит к концу. Однако у нас есть еще один сюрприз. — Он делает паузу, и зрители замирают.

Наконец-то, черт подери.

За все четыре года это первый раз, что он позволил мне выступить. Я еще раз поправляю узел галстука, но воздерживаюсь от того, чтобы пригладить волосы ладонью. Я готов.

Нет, не готов. Я делаю еще глоток бурбона. *Вот теперь да.*

— Она зарабатывает на жизнь спасением жизней, — говорит Рэймонд, поворачиваясь в нашу сторону и указывая на Аманду. Свет софита следует его примеру и находит нас. Жена застенчиво улыбается и склоняет голову. — Медсестра интенсивной терапии, ежедневно на «линии фронта», она первая видит неотвратимые последствия нарушения ПДД. Травматологическое отделение медицинского центра Сансет-Вэлли является одним из лучших в стране, но даже его сотрудники могут спасти не всех — и она это подтвердит. Снова и сно-